

ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В СИТУАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

О.А. Казакевич

Институт языкознания РАН
kazakevich.olga@gmail.com

Среди широкого круга научных интересов Андрея Кибрика интерес к фольклору (Кибрик 2008), на первый взгляд, представляется не столь очевидным, как, скажем, устная речь (Кибрик, Подлеская 2009; Kibrik et al. 2020 и др.), мультимодальность (Федорова, Кибрик 2014; Kibrik et al. 2019) или полевая лингвистика (Кибрик 2003; 2017), однако организация Лингвистического форума 2022 (Kibrik et al 2022) позволяет предположить, что фольклорная тематика юбилею далеко не чужда. Надеюсь, это мое предположение окажется верным.

Сегодня практически во всех локальных группах автохтонного населения Сибири происходит языковой сдвиг — сокращение объема функционирования этнического языка, постепенное прекращение его естественной внутрисемейной передачи от родителей детям и переход на русский язык как основное средство коммуникации. Начало и степень развития этого процесса различается от группы к группе, однако повсюду русский язык уже занимает доминирующее положение во всех коммуникативных сферах.

В статье рассматривается жизнь и трансляция фольклорной традиции и постепенное изменение ее бытования в локальных группах селькупов, кетов и эвенков на фоне языкового сдвига в группах (охватывается период с 1920-х годов до настоящего времени). При этом в качестве источников информации о бытовании фольклорной традиции использованы 1) метаданные в изданиях фольклора и в фольклорных архивах, а также сам состав изданных и неизданных коллекций, 2) рассказы о жизни членов этно-локальных групп и глубинные интервью, 3) опросы, 4) наблюдение за жизнью групп. Мы начнем с фиксации фольклорных текстов, а в заключение коснемся современной роли лингвиста как транслятора фольклорной традиции.

Фиксация фольклорных текстов

Простейший, испокон веку использовавшийся способ фиксации фольклорного текста внутри традиции — запоминание текста для его дальнейшего

воспроизведения. Такая фиксация всегда была индивидуальна и держалась на *знающем*, готовом рассказать, и *восприимчивом*, готовом слушать, запоминать и передавать дальше, чтобы важное слово жило и продолжалось.

Фольклорные тексты извне записывали лингвисты, фольклористы, этнографы, историки, краеведы, путешественники... Для лингвиста, занимающегося документацией языка, фиксация фольклорного текста — это частный случай фиксации текста на языке, всегда желанный, поскольку в фольклорном тексте больше шансов найти вымываемую в других типах текстов лексику и редкие грамматические формы, но далеко не всегда доступный: в некоторых этнолокальных группах фольклорная традиция уходит раньше языка.

Выделяются два важных параметра фиксации текста — язык и способ. Очевидно, что для фиксации фольклора предпочтителен язык традиции, и кажется, сейчас это общепризнано, однако известна масса случаев фиксации фольклорных текстов (сюжетов) на языке исследователя (достаточно вспомнить записанную по-русски замечательную коллекцию энецких фольклорных текстов, Б.О. Долгих 1961, или селькупские сказки из приложения к монографии Г.И. Пелих 1972).

До изобретения звукозаписи графическая фиксация была единственным способом внешней фиксации фольклорных текстов. Однако и после появления возможности записывать звук графическая запись еще долго оставалась основной формой фиксации лингвистического материала, в том числе и фольклорного, а фиксация звука, если она и была, рассматривалась как приятное и полезное, но всего лишь дополнение. Вплоть до 1960-х годов за редчайшим исключением, касающемся в основном музыкального фольклора, тексты фиксировались графически, под диктовку информантов. Появившиеся в 1960-е годы у лингвистов, фольклористов и этнографов магнитофоны позволили вести аудиофиксацию материала. Довольно длительное время аудиозапись и графическая запись под диктовку информанта существовали параллельно, при этом далеко не всегда дополняя друг друга. С одной стороны, вплоть до 1990-х годов некоторые лингвисты старой закалки предпочитали графический способ фиксации текстов как «более надежный». С другой, мы имеем сейчас немало аудиозаписей фольклора 1960–1980-х годов без графической расшифровки, и эти записи требуют «оживления» для дальнейшей работы с ними.

Видеофиксация фольклорного материала, эпизодически осуществлявшаяся этнографами и фольклористами (или при их участии) для создания этнографических фильмов, в 1990-е годы, с появлением портативных видеокамер, стала широко использоваться, а в 2000-е превратилась в стандарт для проектов по документации языков, отклонение от которого сегодня случается, но

не приветствуется. Звукозаписывающие устройства и портативные видеокамеры обеспечивают сейчас не только увеличение объема собираемой в поле информации, но, что особенно важно, возможность последующей верификации гипотетических моделей структурирования этой информации. Вместе с бурным развитием компьютерных технологий это способствовало появлению и быстрому росту мультимедийных фольклорных архивов и более или менее организованных корпусов текстов, по которым может вестись всевозможный поиск.

Как правило, записи сибирских фольклорных текстов, сделанные в прошлом веке профессионалами, сопровождаются данными о контексте записи. Такие контекстные параметры, как время и место записи текста, имя, возраст и этно-локальная группа рассказчика, иногда комментарии о его старших родственниках и/или о том, от кого и в какой ситуации он слышал исполненный им текст, реже — о распространении знания фольклора в этно-локальной группе рассказчика, мы можем найти как в научных публикациях фольклорных записей прошлого века, так и в архивах исследователей. Это дает возможность получить представление о бытовании фольклорной традиции во время фиксации текстов.

Рассказы о жизни как источник информации о бытовании и трансляции фольклорной традиции

Для лингвиста попросить информанта рассказать о жизни — это довольно стандартный способ получить текст на языке. Между тем, рассказы о жизни оказываются ценнейшим источником информации о самых разных вещах — от истории страны до истории фольклорной традиции. Не случайно в последние десятилетия запись историй жизни стала чрезвычайно популярной и среди историков, и среди социологов, и среди лингвистов, даже тех, кто работает с «большими» языками (см., например, Фельде и др. 2022).

В рассказах о жизни старшего и среднего поколений то и дело появляются воспоминания о том, как им рассказывали сказки, причем не только в детстве.

Вот несколько примеров (приводится только русский текст).

Бабушка мне сказки не рассказывала, больше истории из жизни. А бабушка рассказывал сказки, говорил, чтобы я запоминала (Кетка, 87 лет, Суломой, 2004).

Мы без сказки спать не ложились. У нас на стойбище была бабушка, приходила к нам в чум и каждый вечер сказки рассказывала. (Селькупка, 28 лет, Толька Красноселькупская, 1996).

Я сказки от отца и старшего брата слышал (Селькуп, 47 лет, Красноселькуп, 2002).

Мне бабушка сказки рассказывала, она из Корликов, из хантов (Селькупка, 27 лет, Толька Красноселькупская, 1996)

Сказки старики рассказывали. Их раньше много здесь было (Селькуп, 60 лет, Толька Пуровская, 2011).

У нас в Фаркове в интернате воспитатель был, Илья Федорович Кукушкин. Он по вечерам всех нас собирал и сказки по-селькупски рассказывал (Селькуп, 58 лет, Фарково, 2014).

Мне отец сказки рассказывал, он сказочник был (Селькуп, 51 год, Фарково, 1999).

Отец, когда ослеп, без дела не сидел, сети всем помогал нанизывать. Сети нижет и сказки рассказывает. Он много знал. Я запомнила (Эвенкийка, 50 лет, Чиринда, 2007).

У нас на стойбище бабушка была, с нами жила, она ненка, но по-эвенкийски хорошо говорила, она много сказок знала, всегда нам рассказывала, вот я и запомнила (Эвенкийка, 14 лет, Советская Речка, 1998).

Детство/юность рассказчиков таких историй приходится на конец 1920-х — 1970-е годы. Многие тексты содержат упоминание о том, что старшие усиленно рекомендовали детям внимательно слушать и хорошенько запоминать. В это время идет естественная передача традиции.

Опрос как источник информации о бытовании и трансляции фольклорной традиции

В рамках проводившихся нами социолингвистических обследований в этно-локальных группах селькупов, кетов и эвенков (см. Kazakevich 2021) респондентам задавались вопросы о знании фольклорных текстов разных жанров, о ситуациях, в которых происходило знакомство с текстами, и об умении эти тексты воспроизвести. В используемой нами анкете, состоящей из 46 вопросов, фольклору посвящено четыре.

Приведем таблицу ответов на эти четыре вопроса, полученных в группе селькупов села Толька (Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа), население на момент опроса (2013) 1923 чел., селькупы 541 чел. и в группе кетов села Келлог (Туруханский район Красноярского края, население 329 чел. (2015), кеты 222 чел.).

Вопросы анкеты о фольклоре и их номера в общей анкете	Ответы селькупов Тольки (опрошено 125 чел., 2012)	Ответы кетов Келлога (опрошено 62 чел., 2015)
32. Слышали ли Вы песни на этническом языке	Слышал 85%	Слышал 85%
33. Рассказывали ли Вам сказки на этническом языке?	Да, по-селькупски 75 %	Да, по-кетски 25 %
	Читал по-селькупски 15%	Читал по-кетски 5%
	Читал по-русски 30%	Читал по-русски 50%
34. Знаете/помните ли Вы сказки на этническом языке? Можете ли рассказать?	Да, по-селькупски 30%	Да, по-кетски 10%
	Да, по-русски 10%	Да, по-русски 25%
35. Рассказываете ли Вы детям/внукам селькупские/ кетские сказки? На каком языке?	Да, по-селькупски 10%	Да, по-кетски 2%
	Да, по-русски 25%	Да, по-русски 15%

Самый сохранный фольклорный жанр — песни. Их слышали на этническом языке большинство опрошенных, некоторые могут спеть. Большинство респондентов старшего и среднего поколения, чье детство прошло до появления в селах телевидения (до 1980-х), слышали в детстве сказки на своем этническом языке. Языковой сдвиг в Келлоге начался в 1970-е годы, в Тольке лет на 20 позже, соответственно, возраст келлогских кетов, которым в детстве рассказывали сказки по-кетски, выше возраста селькупов, слышавших в детстве сказки по-селькупски.

В 1980-е годы жизнь фольклорной традиции у селькупов, кетов и эвенков стала меняться. В поселках, а затем и на стойбищах вечерние сказки постепенно вытеснил телевизор. Новой формой существования сказок стала книга. Изданные по-русски сборники сказок народов Севера весьма популярны в северных сибирских поселках. Сегодня эти сборники нередко оказываются единственным способом знакомства детей со своим этническим фольклором. В появляющихся с 1990-х годов красиво иллюстрированных двуязычных изданиях селькупских, кетских и эвенкийских сказок дети и большинство взрослых читают исключительно или преимущественно русский перевод. Впрочем, стоит отметить, что в некоторых двуязычных изданиях фольклора переводом может оказаться как раз селькупский, кетский или эвенкийский, а вовсе не русский текст. Так, некоторые селькупские сказки, зафиксированные только по-русски, за последние 10 лет были переведены на разные диалекты селькупского языка носителями этих диалектов.

Лингвист как недостающее звено современного бытования и трансляции фольклора

Сегодня среди селькупов, эвенков и даже кетов есть еще сказочники, передающие (или способные передать) услышанное в детстве и юности. Но поскольку большинство селькупских и эвенкийских детей своего этнического языка не знают, а у кетов младшим носителям языка и вовсе за 50, ситуация, в которой сказка может быть рассказана, а песня спета «на языке оригинала», возникает все реже¹.

На этом фоне весомый вклад в создание коммуникативных ситуаций для трансляции фольклора вносят лингвисты, фольклористы и антропологи. Для современных сказочников они превращаются в важную целевую аудиторию, а их звуко- и видеозаписывающие устройства становятся порукой в сохранности рассказанного для будущего, подобно тому, как раньше такой порукой были внимательные молодые слушатели.

Вот что говорила нам когда-то Ольга Васильевна Латикова (1917–2007), замечательная кетская женщина, *знающая*, с уходом которой ушла заметная часть кетской традиции:

Записывайте! Пусть слово мое дальше пойдет, к моим потомкам. Детям и внукам моим это сейчас не интересно, но может, мои правнуки захотят послушать мои рассказы и узнать, как жили их предки, и у них будет, что посмотреть и послушать.

Л и т е р а т у р а

- Долгих Б.О. 1961. *Мифологические сказки и исторические предания энцев*. М.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Кибрик А.А. 2003. Опыт социолингвистического опроса в малом языковом сообществе. In: *First International symposium on field linguistics. Abstracts*. Moscow: Institut of Linguistics RAN, 50–53.
- Кибрик А.А. 2008. Система дискурсивной транскрипции для фольклорного дискурса на языке пулар В кн.: А.В. Архипов и др. (ред.) *Малые языки и традиции: существование на грани*. Вып. 2. М.: ЯСК, 260–303.
- Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.

¹ Правда, фольклорные ансамбли поют песни и по-селькупски, и по-эвенкийски, и по-кетски, но не всегда поющие понимают значения слов, которые они произносят.

- Кибрик А.А. 2017. Хиналуг, Тлядал, Анди, и далее по всем пунктам. В кн.: В.А. Плунгян, О.В. Федорова (ред.). *Жизнь как экспедиция: сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова, т. 1*. М.: Буки Веди, 321–345.
- Пелих Г.И. 1972. Приложение 1. Селькупские сказки. В кн.: Г.И. Пелих. *Происхождение селькупов*. Томск: Издательство Томского университета, 319–377.
- Федорова О.В., Кибрик А.А. (ред.). 2014. *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические аспекты*. М.: Буки Веди.
- Фельде О.В., Смирнов Е.С., Васильев В.К. 2022. *Язык и культура Северного Приангарья в зеркале устного текста: монография*. Под общей ред. О.В. Фельде. Красноярск: ООО РПБ «Амальгама».
- Kazakevich Olga. 2021. Fieldwork in the situation of language shift In: Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds). *Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing AG, 103–118.
- Kibrik A.A., Korotaev N.A., Fedorova O.V., Evdokimova A.A. 2019. Unified multichannel annotation: A tool for analysing natural communication. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*, vol. 18. М.: РГГУ, 265–280.
- Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. 2020. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, and T. Raso (eds.). *Search of Basic Units of Spoken Language: A corpus-driven approach*. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 35–76.
- Kibrik A.A., Gusev V.Ju., Davidyuk T.I., Sideltsev A.V. (eds.). 2022. *International Conference «Linguistic Forum 2022: Traditional speech forms and practices»: Abstracts*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 17–19 November 2022.